

Линь Си сжалась в комочек у окна, бессознательно потирая пальцем следы от дождя на стекле. Неоновые огни города, видимые с двенадцатого этажа, расплывались в дождевой завесе разбитыми световыми пятнами. Они до боли напоминали след от губной помады, который она нашла три часа назад на подкладке пиджака Гу Чэня — МАС #646, оттенок один в один как у неё.

В зеркале в полный рост отразилась её хрупкая фигура, закутанная в мужскую рубашку, от воротника которой всё ещё исходил аромат кедра вперемешку с полыньёю. Вчера вечером, когда он наклонился, чтобы застегнуть на ней пуговицы, его наручные часы блеснули в лунном свете холодным отблеском: Контракт на инвестиции Линь Групп будет подписан на следующей неделе.

Это вам от мисс Су, — секретарь поставила на рабочий стол эмалированную вазу, пока Линь Си затачивала карандаш канцелярским ножом. Алые лепестки посыпались на финансовый отчет. Она вдруг вспомнила глубокую ночь три дня назад: экран телефона Гу Чэня, загоревшийся на прикроватной тумбочке: Завтра в девять утра, Хилтон, 2806.

Из комнаты отдыха доносился возбужденный шёпот стажеров: Господин Гу лично повез директора Су в больницу, говорят, она упала в обморок из-за низкого уровня сахара... Линь Си смотрела на ягоды годжи, плавающие в чашке, и вспоминала ту ночь, когда у неё самой открылось желудочное кровотечение из-за постоянных переработок, а Гу Чэнь, находясь на международной конференции, ответил лишь: Пей больше горячей воды.

В полночь, под проливным дождем, Су Цин, цокая десятисантиметровыми каблуками, ворвалась в дизайн-студию. Брошенная ею справка о беременности белела в свете ламп: Как ты думаешь, почему он внезапно согласился на брак? Завтра в газетах выйдет новость о том, что финансовая цепочка Гу Групп разорвана.

Кончик перьевой ручки Линь Си оставил на чертеже чернильное пятно. Образ того, как три дня назад Гу Чэнь надел ей на безымянный палец обручальное кольцо, то вспыхивал, то гас в памяти. Его слова подождем, пока кризис минует, прозвучавшие тогда, теперь, пропитанные духами Су Цин, стали липкими и удушающими.

Когда на верхнем этаже взвыла пожарная сигнализация, Линь Си сжимала в руках медицинскую карту, которую Гу Чэнь прятал в сейфе. Дата постановки диагноза боковой амиотрофический склероз пугающе точно приходилась на полгода назад — в аккурат на день, указанный золотым тиснением на приглашениях на банкет по случаю инвестиций Линь Групп.

В густом дыму она увидела силуэт Гу Чэня, прикрывающего Су Цин за противопожарной дверью. След от кольца на его безымянном пальце алел в отсветах пламени — точно так же, как в ту ночь, когда он гладил шрам от ожога на её спине и говорил: Этот шрам прекраснее, чем Звездная ночь Ван Гога.

В тот день, когда кладбище засыпало первым снегом, адвокат принес выцветшую железную коробку. На пожелтевшем листе бумаги слова были размыты пятнами от лекарств: Си, тот

пожар много лет назад устроил мой отец. Ты говорила, что шрамы — это медали храбрецов, но моя медаль была обречена вести тебя к гибели...

Дополнительная глава: Сожженное сердце

На пятой полке кедрового шкафа пылилась нераспечатанная ароматическая свеча Diptyque. На коробке размашистым почерком Гу Чэнь было выведено: Для Си, которая боится темноты — 14.02.2019. Линь Си капнула в увлажнитель воздуха новое масло вербены, и водяной пар, смешавшись с пряным древесным ароматом, окутал слезную точку под её глазом, где уже затянулся шрам.

В частном санатории в десяти километрах отсюда Су Цин вдавила в язык последние таблетки седативного. Справка о беременности на тумбочке давно была подменена на заключение об онкологии, а к нижнему краю всё ещё был приклеен кусочек обертки от леденца — той самой конфеты в форме звездного неба, которую Гу Чэнь подарил ей на день рождения в тот год, завернутой в бумагу с репродукцией Звездной ночи Ван Гога.

Когда бланк с положительным результатом первичного скрининга на БАС свернулся в пепельную бабочку в мусоросжигателе, Гу Чэнь как раз прятал в нагрудный карман пиджака одноразовый телефон, предназначенный для совершения преступления. В третью пуговицу рубашки была вмонтирована микрокамера, идеально зафиксировавшая разговор отца с поджигателем. Звук, с которым пламя лизало медицинскую справку, был пугающе похож на сухой треск искр, попавших на подол платья Линь Си, когда ей было восемнадцать.

Зеркало в гардеробной отразило новый шрам от ожога, вытатуированный на его левом плече. В тот момент, когда игла пронзила кожу, татуировщик двусмысленно усмехнулся: Господин Гу так предан своей первой любви, что даже шрамы решил воссоздать. Глядя на созвездие Большой Медведицы, набитое рядом с имитацией шрама, он вспомнил, как кольцо, вдавившееся в грудь, когда он прикрывал Су Цин в пожарном выходе, едва не пробило ему сердце.

На кладбище в сезон дождей Линь Си сжигала накопившиеся за годы поздравительные открытки. Когда языки пламени поглотили двадцать четвертую карточку с надписью Пожалуйста, вечно ненавижу меня, позвонил сиделка и сообщил, что Су Цин отказывается от еды уже три дня. Глядя на сверкающие в пепле осколки бриллиантов, она вдруг вспомнила жемчужное ожерелье, которое Гу Чэнь сорвал с неё в ночь пожара — рассыпавшиеся по полу молочно-белые бусины были так похожи на его последнюю кардиограмму.

Смотритель кладбища принес посылку, пролежавшую на хранении два года. В выцветшей бархатной шкатулке лежало обгоревшее обручальное кольцо. На внутренней стороне ободка была гравировка с двойным водяным знаком — если повернуть его к свету под углом сорок пять градусов, буквы LXGC превращались в азбуку Морзе: Спасибо, что живешь.

Когда в отделении интенсивной терапии завыл аппарат искусственной вентиляции легких, Линь Си обнаружила на чердаке старого особняка семьи Гу целые ящики антидепрессантов.

Пожелтевшие записи показывали, что с двадцати лет Гу Чэнь регулярно проходил сеансы электрошоковой терапии. В последнем медицинском предписании было небрежно начертано: Рекомендовано прекратить курс стирания памяти, вспышки ПТСР могут ускорить прогрессирование БАС.

Выцветший отчет о пожаре в потайном отделении разбух от влаги. Она подцепила пинцетом обрывок третьей страницы: под строкой Подозреваемый в поджоге Гу ХХ была наклеена фотография юного Гу Чэня, стоящего на коленях перед больничной палатой и умоляющего отца сдать полицию. Из конверта с негативами выскользнула половинка обертки от конфеты, на обороте которой кровью было выведено: Прости.

Холод из морга просочился сквозь шерстяной шарф, когда Линь Си положила последнее письмо Гу Чэня в печь. В танцующих языках пламени всплыло зашифрованное видео с телефона Су Цин — в ночь снежной бури Гу Чэнь вкладывал поддельную справку о беременности в её медицинскую карту, а ободок кольца на его безымянном пальце холодно блеснул в объективе камеры наблюдения.

В тот момент, когда урну с прахом опустили в землю, со старой городской башни на юге пробили часы. Линь Си достала воссозданную обертку от леденца и поднесла её к лучам заходящего солнца — в ослепительно золотисто-красном свете проступил рельефный шрифт Брайля: код от сейфа номер 1963 в сиеглском санатории, который был номером читательского билета, оставленного ею на библиотечной полке в день их первой встречи.

<http://bllate.org/book/24291/2822913>